

письменности в Чехии, Моравии и Польше, обращало всегда на себя внимание, так как это единственное известие такого рода. Несмотря на некоторые противоречия, для А. И. Соболевского верность этого обобщения была вне сомнения: «Krásl a Ježek, Sv. Vojtěch, druhý biskup pražský, v Praze, 1898, не считают Войтеха врагом славянского богослужения, но наш текст говорит так ясно».¹² О. М. Бодянский раньше А. И. Соболевского также верил Сказанию, но все-таки чувствовал, что его историческая достоверность ограничена: «... как бы то ни было, все, до сих пор сказанное мною об этом отрывке из Псковской Палеи, показывает нам, что известия, в ней заключающиеся и относящиеся к нашему предмету, внесены в нее, в высшей степени, небрежно».¹³ Важное свидетельство жития Войтеха, написанного Канапарисом (умер в 1004 г.), о том, что Войтех был намерен вступить в Риме в греческий монастырь к игумену Нилу, О. М. Бодянский стремился объяснить предположением, что «Войтех переменялся». Подробно рассматривавший эту проблему В. Халоупецкий¹⁴ пришел к заключению, что Войтех не был врагом славянского богослуженного языка и письма. Старые латинские жития Войтеха, написанные людьми, ему близкими (Канапарис и Бруно Кверфуртский), ничего об этом не сообщают, хотя возможность им представлялась. Чешская традиция уже с XIII в. приписывает Войтеху авторство известной чешско-церковнославянской песни «Господине, помилуй ны». Когда Карл IV основал (в 1347 г.) славянский монастырь в пражском Эммаусе, то поставил его под покровительство святых Иеронима, Кирилла и Мефодия, Войтеха и Прокопа Чешского. В чешско-церковнославянской «Молитве св. Троице», возникшей в XI в. и сохранившейся в русских списках XIV—XVI вв., тоже встречается имя Войтеха рядом с именами других святых.¹⁵ Это важные аргументы. Но все-таки, по моему, большинство выводов Халоупецкого не исключает возможности, что Войтех лично мог быть благожелательно расположен к славянской письменности и к греко-славянскому обряду и мог даже слагать и распространять нелитургические церковнославянские песни, но одновременно в качестве епископа мог быть сторонником латинского языкового единства в литургии западного обряда. Кажется, что это можно допустить только в крайнем случае: ведь надо предполагать, что о таких событиях, о такого рода борьбе не умолчали бы современные Войтеху заграничные авторы его латинских житий. Войтех ни с кем не боролся, он никаких «епископов и попов не посекал и не разогнал». Впрочем, в X в. в Чехии и в Моравии никаких епископов, кроме пражского, не было (в Польше был только миссионерский епископ в Познани, немец),¹⁶ славянские попы жили и писали в Чехии (Сазава) и, может быть, в Польше (Тынец Краковский) в течение всего XI в. Нельзя, однако, согласиться с мнением Халоупецкого, что в Сказании первоначально читалось *вои латиньскими*, позже переделанное в *Войтех*; такое объяснение не выдерживает филологической критики (см. в приложении вариант 50).

Чем менее Сказание может служить источником для исторических исследований, тем более оно интересно с литературной, филологической

¹² А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 109, прим. 1.

¹³ О. М. Бодянский. О времени происхождения славянских писем, стр. 109.

¹⁴ V. Chaloupecký. 1) Sv. Vojtěch a slovanská liturgie. — Bratislava, 8. Bratislava, 1934, стр. 37—47; 2) Slovanská bohoslužba v Cechách. — Svatováclavský sborník, sv. II, č. 2. Praha, 1939, стр. 401—455, особенно 430—433.

¹⁵ Ср.: А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 38 и 46.

¹⁶ Ср.: A. Brückner. Encyklopedia Staropolska, t. I. Warszawa, s. a., kolj. 665—666.